

ЭКОНОМИКА КАК НАУКА

Морис Алле (Morris Allias)

**Лекция, прочитанная в Институте высших международных исследований в Женеве 23 октября 1967 года.*

Оглавление

1	Введение.....	1
2	Метод в экономической науке	4
3	Пределы экономической науки.....	9
4	Препятствия прогрессу	10
5	Условия прогресса	12

1 Введение

Основная цель экономической деятельности - удовлетворение практически безграничных потребностей людей с помощью имеющихся у них ограниченных ресурсов - труда, природных богатств, технического оснащения, учитывая при этом и ограниченность их технических знаний. Тем самым экономическая наука предстает как наука об эффективности и, следовательно, как наука количественная.

Подобное определение экономической науки может показаться на первый взгляд узким, если принять во внимание институциональные, социологические и политические аспекты экономики. Однако, хотя экономика и является лишь частью более обширного целого - общественных наук, она тем не менее представляет собой вполне определенный комплекс.

В истории экономической мысли можно различить три крупных этапа. Первый заканчивается во второй половине XIX века: это стадия предшественников. В конце данного периода, в 1867 году, Стюарт Милль писал в своих "Принципах политической экономии": "К счастью, в законах стоимости уже нет ничего такого, что требовало бы уточнения в настоящее время или в будущем. Эта теория является полной". Видимо, никогда предсказание не опровергалось так полно и так скоро.

Именно в это время в изучении экономики началась революция, связанная с введением дифференциального анализа австрийской школой предельной полезности, с использованием математики лозаннской школой и с научной обработкой данных наблюдения Ирвингом Фишером. Этот второй этап продолжается примерно до второй мировой войны.

Затем начинается новый период. Экономика постепенно превращается в настоящую науку, опирающуюся на статистический анализ фактов, на теории, чья логическая стройность может быть подвергнута проверке, и на сопоставление теорий с данными наблюдения. Такая тенденция принимает все более широкий характер.

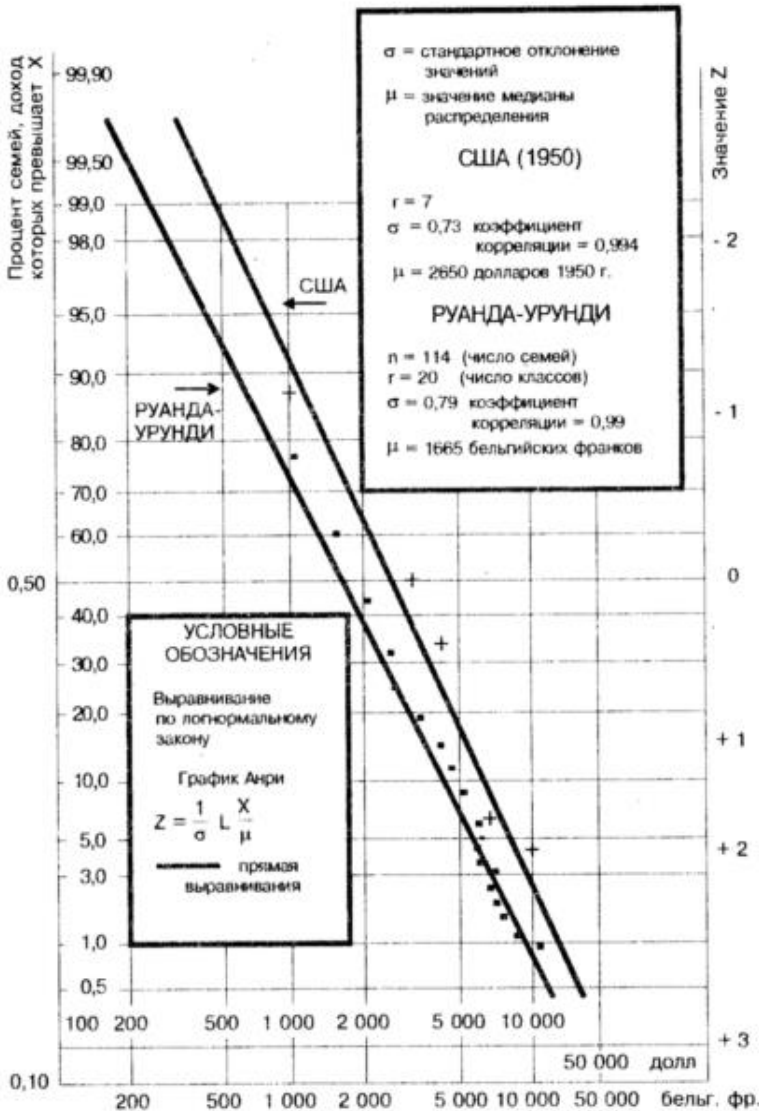
И если сегодня экономический анализ становится наукой, это объясняется четырьмя основными причинами:

* экономисты в состоянии создавать теории, чья логическая строгость проверяется с помощью той части логики, которую составляет математика;

* мы все лучше знаем фактическую сторону дела. Мы располагаем как никогда богатой и всеохватывающей информацией;

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКИХ СЕМЕЙ И СЕМЕЙ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ РУАНДА-УРУНДИ ПО УРОВНЮ РЕАЛЬНОГО ДОХОДА

рис. 1

X = реальный доход в долларах для США и в франках для Руанда-Урунди

* за последнюю четверть века значительно продвинулась вперед техника анализа, числовая обработка данных наблюдения, техника обработки статистической информации и расчетов на ЭВМ;

* благодаря ряду теорий на базе имеющейся информации и техники в экономике было **установлено существование бесспорных закономерностей, как это имеет место в физике.**

Констатация объективной возможности превращения экономики в настоящую науку, естественно, не означает, что экономику, взятую в целом и в ее нынешнем состоянии, можно уже рассматривать как науку. Может быть, и это мы увидим чуть ниже, таковой она и не станет в полной мере, поскольку ее **исходный материал тесно связан с интересами и идеологиями,**

Теперь же мне хотелось бы коротко рассмотреть, почему экономика действительно имеет возможность стать настоящей наукой, каков ее метод, каковы ее пределы, какие препятствия мешают ее развитию и, наконец, каковы условия ее прогресса.

Существование в экономике объективных закономерностей, поддающихся проверке

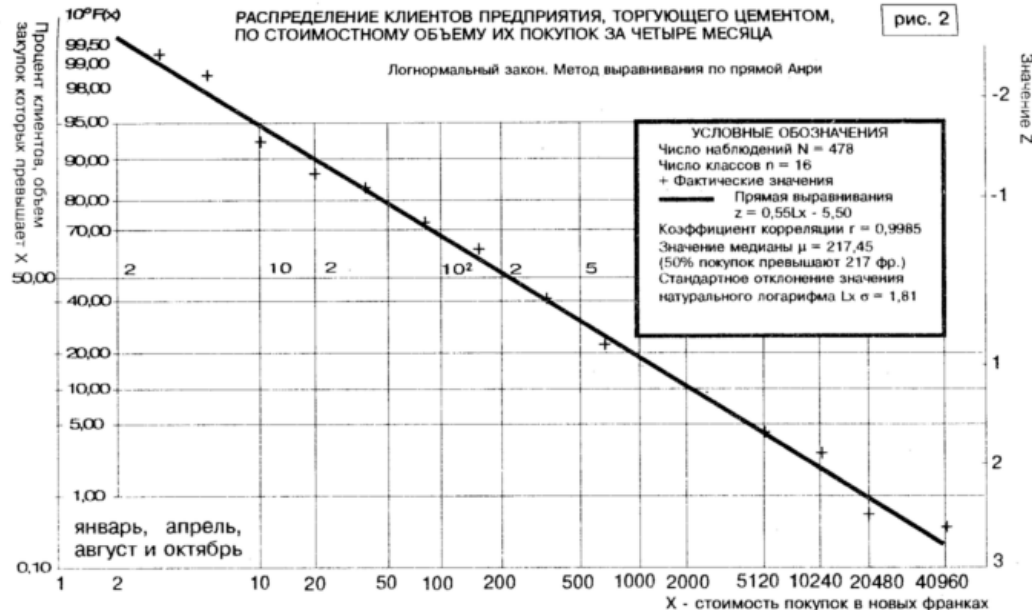
Научный анализ экономических явлений позволяет показать существование столь же поразительных

закономерностей, что и в физических науках. Они предстают в форме или статистических, или структурных законов. Проиллюстрируем их несколькими графиками.

Два графика соответствуют описательным моделям (см. рис. 1 и 2). Первый дает хороший пример статистической

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КЛИЕНТОВ ПРЕДПРИЯТИЯ, ТОРГУЮЩЕГО ЦЕМЕНТОМ, ПО СТОИМОСТНОМУ ОБЪЕМУ ИХ ПОКУПОК ЗА ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА

рис. 2

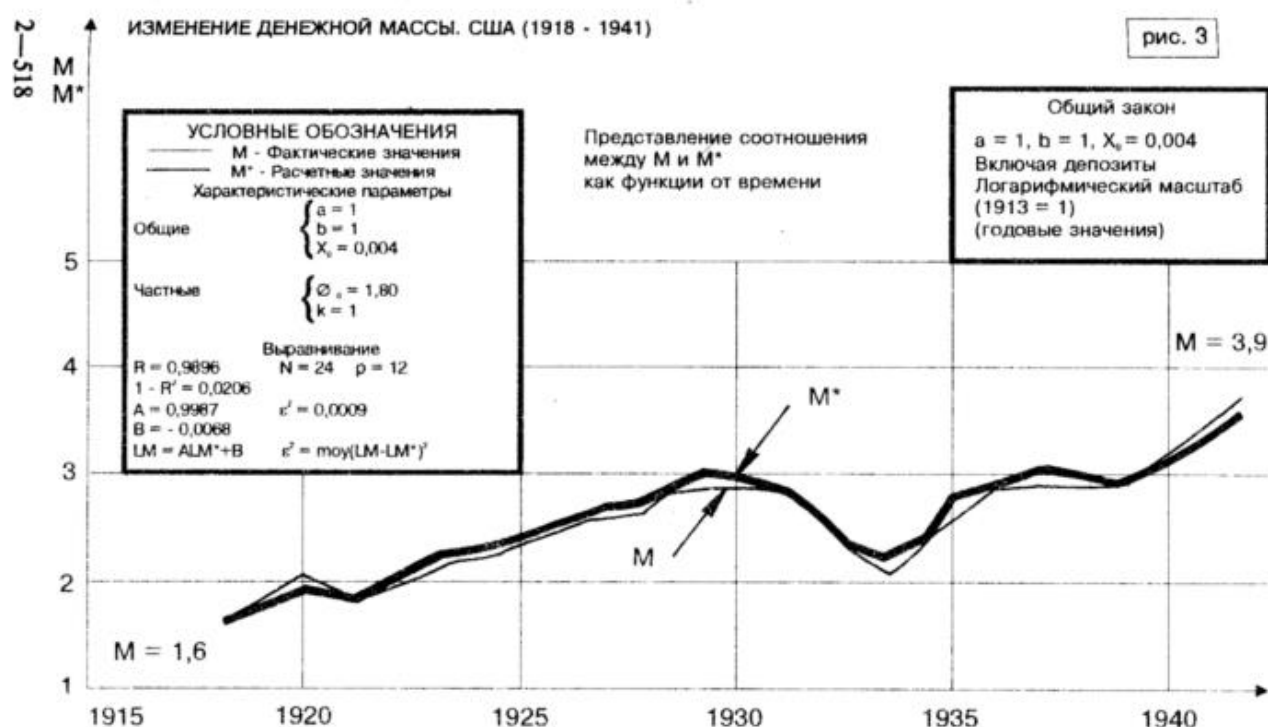

X - стоимость покупок в новых франках

закономерности. На нем представлено **распределение доходов согласно логнормальному закону** в наиболее развитой экономической стране - США и в африканской стране - Руанда-Урунди, где уровень жизни, рассчитанный по обменному курсу валют, примерно в 90 раз ниже. Мы отмечаем, что наклон обеих прямых выравнивания практически одинаков. Это означает, что неравенство доходов в США полностью сопоставимо с неравенством доходов в Руанда-Урунди. Выравнивание особенно удачно по Руанда-Урунди: коэффициент корреляции между расчетными и наблюдаемыми данными составляет 0,999.

На втором графике представлено **распределение 476 клиентов предприятия, торгующего цементом, по объему их закупок за четыре месяца**. Коэффициент корреляции между 15 расчетными и наблюдавшимися частотами составляет 0,998.

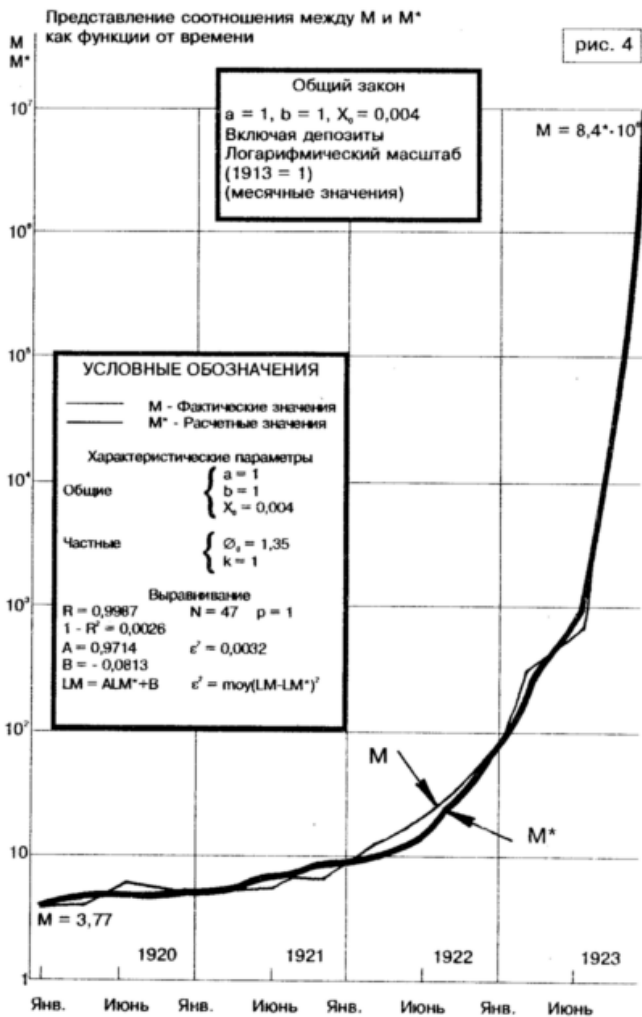
Три следующих графика (см. рис. 3-5) иллюстрируют объяснительные модели. На них показана денежная масса, реальная и расчетная, для США (1918- 1941 гг.), Германии (декабрь 1919 - октябрь 1923 г.) и Венгрии (июль 1945 - июль 1946г.).

Денежная масса была рассчитана исходя из наблюдавшихся значений национального дохода для США и из цен во время гиперинфляции в Германии и Венгрии. Использовалась одна и та же формула наследственного типа, согласно которой поведение экономических агентов функционально зависит от их воспоминаний о прошлом, а влияние прошлого тем слабее, чем более оно удалено во времени.

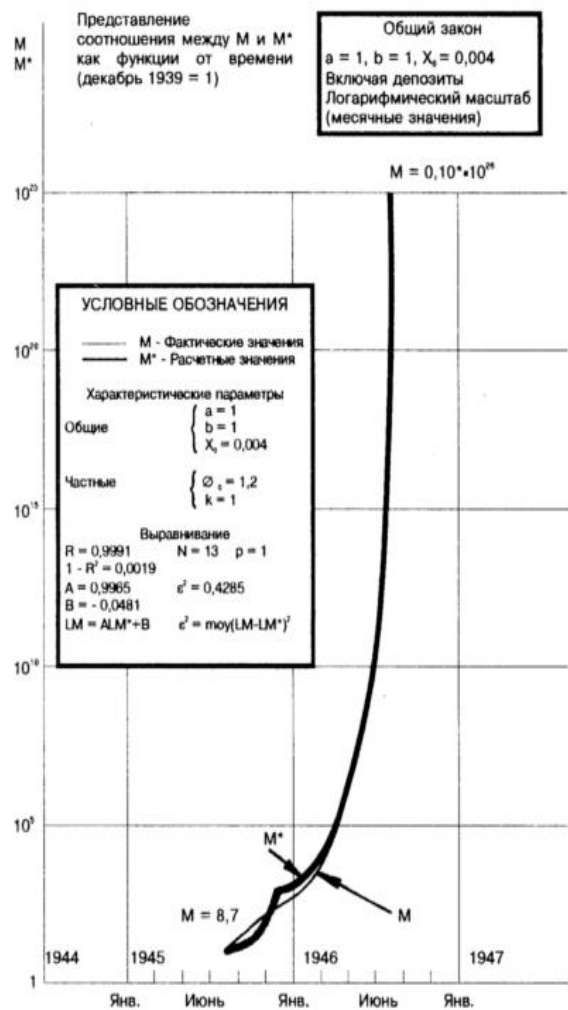
При нынешнем состоянии нашего знания можно говорить о том, что все происходит так, как если бы **формула являлась одной и той же для всех стран и времен и зависела лишь от двух произвольных параметров**, которые следует наилучшим образом подобрать для каждого исследуемого случая. По этой формуле денежная масса в данный момент времени выступает как вполне определенная функция прошлых значений **темпов прироста** национального дохода или цен. В трех рассматриваемых случаях коэффициенты корреляции между наблюдавшимися и рассчитанными значениями денежной массы составляют соответственно 0,989, 0,998, 0,999, т. е. принятая модель объясняет действительность почти идеально.

ИЗМЕНЕНИЕ ДЕНЕЖНОЙ МАССЫ. ГЕРМАНИЯ
(декабрь 1919 - октябрь 1923)

ИЗМЕНЕНИЕ ДЕНЕЖНОЙ МАССЫ. ВЕНГРИЯ
(июль 1945 - июль 1946)

рис. 5

Выравнивание (вычисление методом наименьших квадратов) всех эмпирических данных по одному и тому же закону еще более показательнее, если принять во внимание, что крайние значения индекса национального дохода США в период 1918- 1941 годов изменились с 1,08 до 2,84; индекс цен в Германии с декабря 1919 по октябрь 1923 года вырос с 15 до $1,09 \cdot 10^9$, что **представляет величину порядка скорости света в сантиметрах в секунду**; в Венгрии с июля 1945 по июль 1946 года он изменился со 105 до $4 \cdot 10^{29}$, астрономическая цифра порядка скорости света в кубе.

Полученные результаты говорят о том, что человеческие сообщества, находящиеся в весьма различных условиях - идет ли речь об обычной ситуации, инфляции, дефляции или гиперинфляции, о коммунистических или капиталистических странах, о дне сегодняшнем или отстоящем от нас на 50 лет, - вели себя практически согласно одному и тому же закону. Существование этих закономерностей позволяет сделать вывод, что в ряде случаев экономическая наука подчиняется расчету точно так же, как и физические науки, и может основываться на поддающихся проверке **объективных отношениях**.

2 Метод в экономической науке

Наука может быть определена с помощью следующего метода: сформулировать исходные гипотезы; вывести из них все следствия и ничего, кроме следствий; сопоставить эти следствия с данными наблюдения; принять теорию (по меньшей мере временно) или же отклонить ее зависимости от того, согласуются ли ее результаты с

фактами. Таков научный метод. Именно его в свое время плодотворно разъяснил **Анри Пуанкаре** применительно к физическим наукам, а **Вильфредо Парето** распространил на общественные науки.

С точки зрения философии науки изучение экономики ее нынешнем состоянии, видимо, более плодотворно, чем изучение физических наук, ибо, как любая молодая наука, **экономика наталкивается на вопросы методологии**. Такие опросы практически не встают перед механикой, физики или химией. Впрочем, об этом можно только сожалеть, так как их рассмотрение имеет большую образовательную ценность.

Как и всякая наука, экономика ставит своей целью описывать, объяснять и предвидеть факты и одновременно направлять наши действия. Используемые ею теории - независимо от того, применяется в них математика или нет - опираются на четыре вида моделей: описательные, объяснительные, прогностические и модели принятия решений.

Перед описательными моделями ставится задача отобразить реальные явления, не предпрещая ни в чем ни их объяснение, ни их предвидение, ни воздействие на их эволюцию. Описание может быть качественным или количественным. В последнем случае описательные модели преимущественно используют статистические данные и распределения, эмпирические корреляции. Исследование распределения доходов в Руанда-Урунди, платежного баланса США, эмпирическое изучение факторов роста опираются на описательные модели.

Задача объяснительных моделей - разъяснить, с одной стороны, закономерности, "подсказываемые" описательными моделями, а с другой, причинно-следственные связи между явлениями. Эти модели свободны от каких-либо задач прогностического или нормативного характера.

Прогностические модели используют результаты, полученные при описательном или объяснительном анализе фактов. Они опираются главным образом на экстраполяцию прошлого, которая, в свою очередь, основывается на свойственном данным моделям постулате о структурном постоянстве явлений.

Наконец, модели принятия решений имеют целью выявить, какие меры должны быть приняты для получения желаемого результата. Их исходный пункт является нормативным и относится не к науке, а к определенной этической концепции. Для экономиста он выступает как нечто данное. После того как данные нормативного характера определены, модели принятия решений переходят в область науки, а их построение подчиняется тем же общим принципам, что и других моделей. Разумеется, польза от них тем больше, чем лучше будут учтены при их построении результаты, полученные при анализе описательных, объяснительных и прогностических моделей, и чем лучше эти модели будут согласовываться с фактами.

Независимо от своего характера, экономические модели, как и модели любой другой науки, проходят при разработке три стадии. На первой четко и ясно формулируются исходные гипотезы. На второй - из этих гипотез логически выводятся все следствия и ничего, кроме следствий. На третьей стадии следствия сопоставляются с данными наблюдения. Гипотезы, лежащие в основе теории и представляющей ее модели, не могут, как правило, быть продуктом только интуиции или же рассуждения метафизического характера. Их выдвижение представляет собой целостный процесс анализа предшествующих наблюдений и логических выводов. Он позволяет

сформулировать такие гипотезы, в которых всего в нескольких положениях дан сгусток бесчисленных фактов.

Вторая стадия, чисто дедуктивная, является тавтологической, впрочем, в этом и состоит ее значение, ибо отсутствие тавтологии означало бы, что в рассуждении допущена какая-то ошибка.

Наиболее важная стадия - третья: сопоставление следствий гипотез с фактами. Теория, какой бы мощной и эстетичной ни была ее логическая структура, независимо от того, выражена она в математической форме или нет, не представляет научной ценности, если не может быть сопоставлена с данными наблюдения или же не согласуется с фактами. Конечная цель любой теории - сопоставление с фактами, а в том случае, когда речь идет о количественных явлениях, - численное приложение. Не поддающаяся проверке теория не является научной.

В разработке теорий и их моделей основную роль играет абстракция. Роль науки действительно состоит в том, чтобы упростить и отобрать факты, свести их к значимым данным и найти между ними существенную зависимость. Масса фактов сама по себе не составляет науки. Однако, если абстракция необходима, важны и ее способы. Можно с пользой для дела упростить реальность, но только тогда, когда это упрощение не изменяет действительной природы явлений. И ни в коем случае стремление к упрощению не должно приводить к искажению самой сути реальности.

Правомерность абстракции возможно подтвердить лишь задним числом. Но априори любая абстракция может не без основания показаться недопустимой. К примеру, представлять планеты в виде точек для изучения их движения - шокирующая абстракция. Но она оказывается успешной, и этот успех делает ее правомерной. Так обстоит дело с каждой абстракцией. Данный принцип применим для всех наук вообще и для экономической науки, в частности. Всякая наука - это компромисс между стремлением к простоте и стремлением к сходству. Большая простота удобна, но она иногда не позволяет создать образ, достаточно похожий на факты. Слишком же большое сходство делает модель чрезмерно сложной и практически неприменимой. Можно сказать следующее: при данном уровне приближения наилучшей в научном смысле является та модель, которая более всего удобна.

Часто противопоставляют теорию практике. Говорят, что "практика - одно, а теория - другое" и "в силу самой абстракции теория далека от реальности". Такое противопоставление совершенно неоправданно, ибо теория ценна лишь постольку, поскольку она составляет конденсат реального. В противном случае - это чистое, совершенно искусственное создание ума, не имеющее ценности с научной точки зрения. Напротив, если теория действительно представляет собой сгусток реального, то она чрезвычайно полезна, так как дает массу всякого рода информации по наблюдаемым явлениям в очень сжатой и пригодной для использования форме. Конечно, можно спорить о том, является ли какой-либо автор хорошим или плохим теоретиком, т. е. полезны ли его теории для анализа фактов или для достижения тех или иных целей. Но одно бесспорно: нельзя быть ученым, не будучи теоретиком; не может быть науки без теории.

В экономике противостояние сторонников и противников применения математики, вызывавшего в прошлом столько полемики, - дело совершенно бесплодное и искусственное. С обеих сторон выдвигаются вполне разумные аргументы, которые, по сути дела, не противоречат друг другу. Они просто соответствуют взаимодополняющим сторонам одного и того же метода, метода научного.

Целые области экономики, наиболее многочисленные при нынешнем состоянии нашего знания, могут изучаться - причем превосходным образом - без помощи математики. Но есть и другие, где математика необходима. Чтобы проверить

логическую строгость какой-либо теории и выявить ее подлинное содержание в том случае, когда мы имеем дело с величинами, **связанными между собой сложным образом, математика может представлять несравненное и даже незаменимое средство**. Она позволяет действительно точно обозначить с помощью символов величины, используемые в теории, и материализовать с помощью **соотношений** те зависимости, которые существуют теоретически между этими величинами. Всякая вводимая гипотеза должна быть выражена четким и явным образом. Математическое формулирование имеет бесценное преимущество в том, что подталкивает ум к размышлению и точности. Оно дает возможность обнаружить все следствия, но только следствия принятых гипотез, а затем полностью выявить их действительное содержание.

Тот факт, что теория сформулирована с помощью математики или без нее, ничего не меняет в ее логической сути. Но в ряде случаев легче проверить, является ли теория действительно логически непротиворечивой, если она выражена в математических терминах. Математика - не отдельный, особый технический метод, а лишь усовершенствованная часть, продолжение логики. Однако любой автор, использующий математику, должен всегда заставлять себя выражать обычным языком природу принимаемых им гипотез и значение получаемых результатов. Чем абстрактнее его теория, тем настоятельнее эта обязанность.

Если присмотреться к некоторым современным теориям, то можно отметить **два вида отклонений** от требований научного метода: логическую несостоятельность и пренебрежение реальными фактами. Общий недостаток этих псевдотеорий - **употребление неработающих понятий**, неопределенных и нечетких слов, смысл которых постоянно меняется в ходе рассуждения и варьируется от автора к автору; отсутствие строгости в анализе; обильное использование более или менее метафизических выражений, которые, не обозначая ничего точного, могут одновременно обозначать все что угодно, и тем самым спасают автора от критики; использование эмоциональных выражений, которые, хотя и способны обеспечить популярность их авторам, не являются предметом строгих рассуждений. Такие теории нельзя считать научными, и с этой точки зрения их собственная ценность незначительна. Но, к сожалению, невозможно оценить ущерб, который наносит обществу подмена научных умозаключений логически нестрогими суждениями, софизмами, нередко прикрываемыми блестящими ораторскими приемами. Если подобные теории не могут считаться научными, то так же обстоит дело и со многими чисто логическими теориями, лишенными реальной связи с фактами.

Математика представляет собой средство, владение которым чрезвычайно полезно, но она всего лишь средство. Нельзя быть хорошим физиком или экономистом по той только причине, что обладаешь некоторыми знаниями и умениями в математике.

Сегодня настоящая опасность для экономической науки - не сопротивление использованию математики там, где это необходимо, а возможное злоупотребление ею. Строгость выводов математиков не должна создавать иллюзии. **На деле важны лишь рассмотрение исходных посылок и истолкование результатов**. Математическая разработка выводов, какой бы элегантной она ни была, не представляет интереса сама по себе, если не считать интереса чисто математического. Сложность и строгость дедукций не могут придать научную ценность исходным посылкам. Об этом уже убедительно напоминал Буасс применительно к физике: "Сто раз замечено, что нет такой нелепости, какой бы мы ни были склонны принять, если бы мы строго вывели ее из предпосылок, принятых без всякой предосторожности. Прочность логической цепочки ослепляет нас относительно точности принципа, лежащего в ее исходной точке".

Читая отдельные исследования, поражаешься все большему злоупотреблению математическим формализмом. **Подлинный прогресс состоит не в чисто формальном изложении, а в открытии путеводных идей, лежащих в основе любой теории.** Именно такие идеи и надлежит прежде всего ясно высказать и рассмотреть, вместо того чтобы маскировать их более или менее скрытой символикой. Как это ни парадоксально с научной точки зрения, несравнимо больше усилий тратится на математическую разработку моделей, нежели на обсуждение их структуры, их гипотез и результатов в плане анализа фактов. Современная литература дает нам бесчисленные примеры ошибок, допускаемых из-за пренебрежения основным принципом: теория верна лишь в той мере, в какой она согласуется с наблюдаемыми фактами, и единственным источником истины является опыт.

В экономике отмечается явление, аналогичное тому, что наблюдалось во Франции в области механики. Отдельные курсы по механике, физической науке *par excellence* были сведены к перечню математических теорем, среди которых было бы бесполезно искать значение какого-либо коэффициента трения. Сегодня складывается впечатление, что экономика рассматривается всего-навсего как предмет для занятий математикой, а сходству с действительностью предпочитают элегантность математических доказательств.

Нередко блестящие с эстетической точки зрения теории строятся на сомнительных, а то и противоречащих фактам гипотезах. И если эти теории достаточно трудны с логической точки зрения, а предлагаемые в них решения сочетают в математическом плане строгость и красоту, то они могут ввести в заблуждение и претендовать на успех. Но подобные теории, будучи чисто формальными, не содержат никакой связи с конкретной действительностью и не имеют отношения к экономической науке.

Логически несостоятельная и опровергаемая фактами теория обычно представляет в научном плане лишь ограниченную опасность, так как ее недостаточность легко раскрывается. Иначе обстоит дело с некоторыми математическими теориями, чья чисто логическая часть требует для своего понимания столь тяжелых усилий, что у истощенного читателя не остается достаточно энергии для критического рассмотрения как гипотез, так и результатов, и вследствие этого он не может понять, что с точки зрения анализа фактов такие теории строятся на песке.

Использование сложного математического аппарата не является недостатком само по себе. Более того, оно необходимо и желательно (если нельзя поступить иначе), но правомерно лишь в том случае, когда этого требует анализ действительности. Нет нужды прибегать к весьма абстрактному математическому аппарату, если предоставляемая им дополнительная информация остается крайне ограниченной или даже нулевой.

С точки зрения подачи и рассмотрения гипотез, элегантности логических выводов, значения полученных результатов та или иная экономическая работа, чисто литературная по форме, автор которой ни слова не знает в математике, может быть значительно выше по уровню работы, напичканной математикой и написанной известным автором.

Определяющую роль в научных разработках, т. е. в создании теорий и их моделей, всегда играет творческая интуиция. Именно благодаря интуиции происходит - на базе уже приобретенных знаний - отбор понятий и взаимосвязей между ними, которые позволяют представить реальность в ее главных моментах, другими словами, осуществляется отбор гипотез. Путем дедуктивного умозаключения из этих гипотез выводятся все следствия. Последние сопоставляются с фактами. Таким образом, творческая интуиция, логическая дедукция, сопоставление следствий гипотез с данными наблюдения - три важных момента любой научной работы. История науки

может характеризоваться бесконечным повторением этих трех стадий в рамках процесса, ведущего к созданию все более содержательных и проверенных моделей.

Естественно, решающую роль играет творческая интуиция. "Слава, - говорит Ньютон в споре с Лейбницем, - принадлежит только изобретателю; тот же, кто идет следом, является всего лишь учеником".

3 Пределы экономической науки

Экономическая наука, какой бы ценной она ни была в плане понимания фактов или полезной с точки зрения действия, имеет, однако, лишь ограниченное значение.

Во-первых, утверждение, что экономическая дисциплина может стать наукой, нисколько не означает, что овладение этой дисциплиной - вещь достаточная для тех, кто хочет понять экономическую реальность, тесно связанную с многообразными социальными и человеческими явлениями, или же для тех, кто должен принимать решения. Экономическая наука изучает лишь один из аспектов крайне сложных явлений. И в целом нельзя понять эволюцию современных обществ или воздействовать на нее, нельзя даже просто эффективно участвовать в повседневной хозяйственной жизни, если не располагаешь обширными познаниями в истории, социологии и политологии.

Во-вторых, экономическая наука не занимается определением целей, которые должно ставить перед собой общество, впрочем, она бы и не могла этого делать. В любом обществе существуют вопросы, связанные с постановкой цели; но **определение целей не входит в сферу экономической науки** (оно вообще не входит в сферу науки).

Преследуемые обществом цели могут быть какими угодно. Можно добиваться в первую очередь эффективности экономики или же, наоборот, заботиться прежде всего о справедливости в **распределении** доходов, каким бы относительным ни было понимание справедливости. Можно задаться целью создать наиболее прогрессивную экономику или же, напротив, придать первостепенное значение стабильности и надежности занятости и получения доходов. Независимо от того, касаются они эффективности, справедливости или же надежности, нельзя утверждать, что данные цели по своей внутренней сути предпочтительней, чем какие либо другие.

Цели могут быть выявлены лишь путем функционирования политической системы, в рамках процедур, которые различаются в зависимости от страны и эпохи. Но при этом решается одна и та же задача - достижение компромисса между устремлениями различных граждан, учитывая, что, как это обычно бывает, их устремления противоречивы.

Что же касается экономиста, то он может ответить лишь на два вопроса: 1) Являются ли поставленные цели совместимыми? 2) Являются ли используемые средства действительно наиболее пригодными для достижения намеченных целей? **Экономическая наука не ставит своей задачей определить, какой необходимо сделать выбор; она всего лишь дает информацию, согласно которой может быть произведен разумный отбор целей.**

Считать, что экономическая наука в состоянии помочь в разработке научных решений, - заблуждение, и заблуждение опасное. Модели исследования операций не могут дать готовых решений в руки руководителей предприятий. Они могут лишь, с учетом принимаемых допущений, определить, что для этого нужно. Такое же замечание правомерно и в отношении моделей, разрабатываемых плановыми органами для своих правительств.

Модели принятия решений дают всего лишь научно разработанную информацию с тем, чтобы можно было осуществить отбор и принятие решений. При этом надо учесть, что

обоснованность такой информации зависит от относительности имеющихся эмпирических знаний (всегда неполных), от относительности принятых гипотез и относительности структурных уравнений, избранных для построения таких моделей. Что же касается самого решения, то оно никогда не является объективным. Оно всегда субъективно и носит нормативный характер, следовательно, находится вне науки.

4 Препятствия прогрессу

В своем развитии экономическая наука встречает препятствия такого же рода, как и любая другая наука. Говорят, что если бы теорема Евклида затрагивала финансовые или политические интересы, то она была бы предметом самых яростных споров. И здесь нет никакого преувеличения. Так, римский император приказал казнить первого изобретателя алюминия, считая, что его изобретение задевает сложившиеся интересы того времени. Нет иного объяснения и многовековому сопротивлению техническому прогрессу. В XVIII веке во Франции тысячи людей заплатили жизнью за распространение усовершенствованного коленкора. В XIX веке владельцы дилижансов и их кучера были самыми активными противниками железных дорог. Более недавняя история лишь подтверждает опыт столетий.

То, что верно по отношению к прогрессу технологии, в еще большей степени верно по отношению к экономической науке. Ведь ее выводы могут поставить под вопрос все имеющиеся интересы. Так, колоссальные интересы вступают в игру, если только представляется доказанным, что решающими преимуществами обладает коллективистская или же частная собственность. От этого, естественно, страдает объективность.

В том случае, когда речь идет об оценке экономической книги, многие сразу же бросаются к заключениям. Если последние им нравятся, то книга признается хорошей, даже если ее логическая строгость ущербна, а лежащая в ее основе информация неполна. Если же выводы не нравятся, то книга объявляется плохой, даже если ее рассуждения строги и опираются на весьма ценную информацию. В любую историческую эпоху успех экономических учений обеспечивался не собственной ценностью, а могуществом поддерживавших их интересов. На более скромном уровне любое операционное исследование либо восхваляется, либо остается пылиться в шкафах в зависимости от того, нравятся его выводы или нет. Это замечание относится, естественно, не только к операционным исследованиям.

Верное в отношении общественного мнения вообще, не менее верно и в отношении чиновников. Последние, если не хотят уйти в отставку, вынуждены высказывать свои мнения, а то и участвовать в политической борьбе. Впрочем, доктрины, идеологии являются лишь побочным продуктом такой деятельности. Карл Маркс, Леон Вальрас, Вильфредо Парето, Ирвинг Фишер были, каждый по-своему, настоящими учеными, но они в то же самое время страстно отстаивали нормативные, зачастую весьма крайние позиции. Может быть даже, именно эта страсть побудила их к научному творчеству, в котором они видели, по меньшей мере вначале, оправдание своих доктрин. Однако отстаивание мнений, политическую или идеологическую борьбу и научный подход трудно совместить. Как говорят, в споре двух человек, если первый хочет убедить, а второй ищет истину, второй всегда проигрывает. В политической борьбе истина никогда не является исключительным достоянием одной из действующих партий. Но, если у вас есть основания для предпочтения одной из партий, вы никогда не сможете победить на выборах, утверждая, что противостоящая партия не совсем не права в том или ином вопросе.

К сожалению, экономическая наука часто связана с судьбой политических доктрин. Теория максимальной эффективности, теория взаимосвязи денежной массы и цен, если взять только эти два примера, имеют значительные политические "выходы".

Более того, не бывает ученого, который бы до известной степени неосознанно не испытывал влияния своих собственных политических взглядов (понимая в данном случае термин "политический" в самом высоком значении слова). Это положение справедливо для всех наук, связанных с социальными вопросами, будь то история, биология или экономика.

Не менее двадцати талантливых историков с прочной репутацией, но различными политическими взглядами, описали историю французской революции. подача материала, отбор деталей при внешней объективности рисуют перед читателем совершенно несовместимые картины одних и тех же событий.

Один из лучших современных биологов не без оснований писал по поводу наследственности: "На мой взгляд, невозможно высказать по этому вопросу какое-либо мнение, о котором можно было бы сказать, что оно беспристрастно. Каждый неизбежно следует своим политическим и экономическим убеждениям, которые определяются иными факторами, нежели собственным знанием биологии... Мы - участники событий и не можем, следовательно, избежать того, чтобы думать пристрастно". Такое же замечание можно сделать в отношении любого исследования, посвященного собственности, системе цен, конкуренции, налогообложению или планированию.

Наконец, во все времена прогресс наук тормозился догматизмом. Парето не без основания писал, что история науки сводится к истории ошибок компетентных людей.

Сопrotивление новым идеям в науке, как и в истории техники, коренится в одних и тех же причинах, ибо, ставя под угрозу утвердившееся положение отдельных людей, идеи наталкиваются на яростную оппозицию приверженцев общепринятых теорий. Галилей вынужден был публично отказаться от взгляда, который он проповедовал вслед за Коперником, что Земля вращается вокруг Солнца, хотя это открытие и было уже сделано в III веке до нашей эры Аристархом Самосским. Жесткое сопротивление встретил Ампер, отец электромагнетизма. Гениальная идея о существовании квантов вначале отвергалась, и когда Планк излагал ее, то был вынужден почти извиняться, настолько она шла вразрез с общепринятыми представлениями.

Самая опасная и самая коварная тактика в борьбе с новыми идеями - заговор молчания, против которого нет никакого средства защиты. Во Франции творчество Вальраса замалчивалось местными "мандаринами", и потребовалось пятьдесят лет, чтобы наконец восторжествовала справедливость (и то признание пришло из-за границы). Но если в конечном счете и несмотря на все препятствия новая идея торжествует, то зачастую авторство человека, первым выдвинувшего ее, не признается. Вильям Джеймс справедливо писал: "Каждое учение проходит через три состояния: вначале его подвергают нападкам, объявляя абсурдным; затем допускают, что оно является верным, очевидным, но мало важным. Наконец, признается его настоящая значимость, а противники заявляют притязания на честь его открытия". Когда Христофор Колумб обещал открыть новое полушарие, ему заявляли, что такого полушария не может быть; когда же он открыл его, то стали утверждать, что оно известно давным-давно.

Да и сами новаторы склонны превращаться в догматиков. Многие известные ученые в начале своей научной карьеры выступали против догматизма и доказывали своими открытиями недостаточность прочно утвердившихся теорий. И они же, в конце карьеры, занимали вместе со своими учениками самые догматические позиции в отношении идей, торжеству которых способствовали в свое время.

В экономике, как и в любой другой науке в каждую эпоху, многие положения часто представляются прочно установленными, а постулаты, на которые они опираются, приобретают со временем нечто вроде метафизической святости. Некоторые теории, чьи основы являются по меньшей мере спорными, изображаются как доказанные

истины. И их так называемое совершенство нигде не берется под сомнение, никто не принимает во внимание фактов, не укладывающихся в рамки этих построений. Такие теории становятся истинными лишь благодаря своему повторению.

Сторонники той или иной теории очень часто проявляют остро критическое отношение к противоположным мнениям, в то же время их вера в собственные положения граничит с беспредельной наивностью. Вот почему именно субъективизм, намеренно игнорирующий себя, представляет одну из самых больших опасностей для социальных наук.

Экономическая наука, как и любая другая, не может избежать догматизма. Но здесь он обнаруживается гораздо сильнее из-за могущества сложившихся интересов и идеологий. Никто не осмелился бы сказать сегодня то, что один из революционеров говорил о Лавуазье: "Республика не нуждается в ученых". Но кто бы мог утверждать, что сегодня в экономической науке все потенциальные Лавуазье действительно пользуются тем доверием, на которое они вправе рассчитывать?

Прогресс науки обеспечивается в конечном счете ее успехами. В эпоху искусственных спутников уже нельзя утверждать, что Земля плоская. Но в социальных науках не существует таких положений, которые могли бы быть установлены с такой же достоверностью, что и шарообразность Земли. Необходимо, следовательно, довериться объективности людей. Но существует ли эта объективность? Может ли она существовать?

5 Условия прогресса

Каковы условия прогресса экономической науки? Я рассмотрю здесь только два: необходимость синтеза и безоговорочное подчинение урокам опыта.

Современная экономическая наука добилась столь больших успехов, сфера ее исследований настолько расширилась, что она проявляет все большую тенденцию к специализации по разным подразделениям: описание институтов, теория цен, теория риска, теория денег, теория международного обмена, теория развития, анализ конъюнктуры - вот всего несколько примеров среди многих. Подобная специализация необходима, поскольку очевидно, что глубокое знание различных разделов превышает способности одного человека. Однако важно сохранить стремление к синтезу. Прогресс каждой из частей обусловлен возможностью широкого комплексного взгляда.

В любом случае экономическая наука представляет собой лишь часть более обширного целого - социальных наук. В своих приложениях экономическая наука всегда связана с политикой, и поэтому экономист при необходимости должен обращаться к социологии, политике и истории.

История науки учит нас, что самые значительные успехи достигались тогда, когда перебрасывались мостики между различными дисциплинами. Прекрасным примером из области физики является теория электромагнетизма. В этой области важнейший успех науки завтрашнего дня будет связан с синтезом теорий электромагнетизма, тяготения и квантовой механики. Но чтобы добиться таких успехов, нужны люди большой культуры, обладающие широкими общими взглядами, а чрезмерно специализированная организация образования не способна дать нам таких людей.

То, что верно для физики, верно и для экономической науки в частности и социальных наук вообще. Со времени Вальраса и Парето стало общим местом подчеркивать тесную взаимозависимость различных явлений, характеризующих общественную жизнь. Невозможно достичь удовлетворительного понимания общественной жизни или эффективно воздействовать на нее, если не располагаешь синтетической картиной, позволяющей ввести в единые рамки результаты, полученные в самых различных областях. Именно на пути синтеза социальные науки могут добиться сегодня огромных

успехов. Поэтому в высшей степени желательно готовить экономистов, имеющих широкий взгляд на историю, социологию и политологию; историков, способных к экономическому анализу и социологическим исследованиям; социологов, имеющих также подготовку экономистов и историков.

Следует также готовить экономистов, обладающих качествами, присущими различным нациям: вниманием к фактам англосаксов, эрудицией германцев, логикой латинян. Одна только логика быстро вырождается в пустословие, одна только эрудиция ведет к накоплению массы разнородных знаний, малопригодных к использованию: нагромождение фактов не может составить науки. Следует, наконец, в меру возможного готовить экономистов, способных использовать при необходимости все то, что дает математическая логика и статистическая техника.

Второе условие прогресса экономической науки - стремление к объективности и безоговорочное следование урокам опыта. Для того чтобы наука могла развиваться, суждения и решения тех, кто занимается административными вопросами, тех, кто ведет исследования, тех, кто преподает, тех, кто применяет научные результаты на практике, должны стремиться к объективности. Если полная объективность и невозможна, то почему хотя бы не попытаться приблизиться к ней? Отличительная особенность заблуждающегося состоит в том, что он считает свое мнение истинным. Тот, кто считает себя правым, может ошибаться. Чем больше у нас оснований полагать, что мы правы, тем больше должны мы быть убеждены в относительности всякого убеждения, тем больше должны мы быть готовы принять мнения, отличные от наших.

Конечно, невозможно вынести окончательное суждение в отношении людей и предметов. В науке утверждения, считавшиеся наиболее верными в том или ином столетии, уступали затем место другим, которые также заменялись под давлением фактов. Такова одна из тех закономерностей, которую с полным основанием можно экстраполировать на будущее. Некоторые мнения, считающиеся сегодня в мире бесспорными, завтра будут рассматриваться как лишенные всякого основания. Более того, мы должны остерегаться однозначного суждения о людях. Хотя мы и не без оснований полагаем, что некоторые их мнения могут быть ошибочными, это не означает, что такие люди неспособны двигать науку вперед. Кеплер твердо верил в астрологию; тем не менее он открыл фундаментальные законы движения планет. Ньютон написал работу об апокалипсисе, которая сегодня могла бы дискредитировать ее автора в научном плане. И, однако, он открыл систему всемирного тяготения.

Главный принцип научной дисциплины постоянное сомнение в том, что считается истинным; готовность благожелательно рассматривать противоположные мнения и помогать исследованиям, направленным на опровержение суждений, в которые веришь. Сомнение относительно собственного мнения, уважение к мнению других вот исходные условия всякого реального прогресса науки. Всеобщее согласие или же согласие большинства не может рассматриваться в качестве критерия истины. В конечном счете важнейшее условие прогресса науки - полное подчинение урокам опыта, являющегося единственным реальным источником нашего знания.

Вот как удачно выразил эту мысль мой учитель Вильфредо Парето: "Именно конкретное явление всегда решает, должна ли теория быть признана или отвергнута. Нет и не может быть другого критерия истинности теории, кроме ее более или менее полного соответствия конкретным явлениям".